

ПАНОРАМА

УДК 167.1

DOI: 10.5840/dspl20203445

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

В предлагаемом обзоре рассматриваются современные дискуссии в области интерпретации так называемых предикатов личного вкуса. Эти выражения, как известно, оцениваются с учетом индивидуального вкуса: то, что один считает вкусным, другой таковым не считает. Их формальная семантическая интерпретация сталкивается с рядом технических проблем логической семантики, а также более общих философских проблем, связанных с пониманием того, в чем может заключаться природа разногласий о вкусах, того, какова структура пропозиционального содержания и т.д. Автор предлагает экспозицию ряда показательных подходов к решению проблемы семантики предикатов личного вкуса, а также собственный взгляд на некоторые сложные случаи в интерпретации этих предикатов в сообщениях о верованиях *de re*.

Ключевые слова: контекстуализм, релятивизм, семантика, предикаты личного вкуса

Цитирование: Куслий П.С. Индивидуальная перспектива и интерпретация // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 134-155. DOI: 10.5840/dspl20203445

INDIVIDUAL PERSPECTIVE AND INTERPRETATION

Petr S. Kusliy – PhD in Philosophy, senior researcher, Institute of Philosophy. Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

This overview paper examines some current discussions in the field of interpretation of predicates of personal taste. These expressions are known to be judged on the basis of individual taste: what one considers tasty, the other does not. Their formal semantic interpretation faces a number of technical problems of logical semantics, as well as more general philosophical problems associated with understanding what the nature of disagreements about taste may be, what is the structure of propositional content, etc. The author offers an exposition of a number of influential approaches to the semantics of predicates of personal taste, and provides his own criticism of a difficult case that involves an occur-

rence of a predicate of personal taste in a *de re* propositional attitude report.

Keywords: contextualism, relativism, semantics, predicates of personal taste

Might be cited as: Kusliy, Petr. 2020. Individual perspective and interpretation, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 3 (4): 134-155. DOI: 10.5840/dspl20203445 (In Russian)

1. Введение

На протяжении последних десятилетий философия языка характеризуется обсуждением вопросов, лежащих на стыке ряда философских дисциплин (в частности, логики и эпистемологии), языкознания и когнитивных наук. Эта междисциплинарная ориентация накладывает отпечаток и на методологию, которой пользуются изучающие эти проблемы исследователи. Концептуальный анализ нередко применяется к межъязыковому материалу, рассмотренному через призму той или иной когнитивной науки. Философия языка, таким образом, получает новый импульс к развитию и новый материал для осмысления, а когнитивные науки и науки о языке обретают новую перспективу и новую проблематику.

В этом обзоре будет представлена экспозиция дискуссий по поводу одной из таких проблем, ведущихся на страницах наиболее влиятельных философских и лингвистических журналов на протяжении последних полутора десятилетий. Речь пойдет о семантике так называемых предикатов личного вкуса, то есть таких выражений, как «вкусный», «приятный», «весело» и т.п. Будет показано, каким образом их неоднозначная философская природа делает проблематичным их формальный семантический анализ, а также как решения, предлагаемые специалистами, работающими над этой проблемой, разводят их по разным философским лагерям.

Вначале будет подробно рассмотрена сама постановка проблемы на материале влиятельной статьи [Lasersohn, 2005]. Далее будут рассмотрены отдельные возражения на анализ Лейзерсона и будет показано, как эти позиции формируют релятивистский, абсолютистский и контекстуалистский подход к проблеме. Автором будет представлено критическое рассмотрение ряда проблем, лежащих в основе некоторых дискуссий, и показано, что языковые данные, характеризующие проблему, не позволяют сделать однозначный выбор в пользу какой-либо из позиций, хотя одна из позиций (неиндексный контекстуализм М. Гланцберга) будет представлена как наиболее перспективная. В заключение будет представлена экспозиция более широкой философской проблематики, лежащей в основе обсуждаемой проблемы и касающейся непосредственно проблем эпистемологии и семантики, а точнее вопроса о природе пропозиционального содержания.

2. Семантика предикатов личного вкуса: постановка проблемы

Проблема предикатов личного вкуса (predicates of personal taste) и связанная с ней философская проблематика восходит к статье Питера Лейзерсона «Контекстная зависимость, разногласия и предикаты личного вкуса» (Lasersohn, 2005), в которой она была не только поставлена в последовательной форме, но и получила первое обоснованное решение.

Когда речь идет об использовании предикатов личного вкуса, имеются в виду такие предложения как (1) и (2):

- (1) Этот торт вкусный.
- (2) Вечеринка была веселой.

И хотя на текущий момент в сообществе нет однозначного согласия относительно того, какие именно предикаты в полной мере считаются предикатами вкуса (помимо непосредственно статьи Лейзерсона, см. обсуждение этого вопроса, например, в [Snyder, 2013, p. 279–282]), такие примеры как (1) и (2) считаются вполне однозначными случаями.

В стандартном курсе по введению в логику часто утверждается, что предложения, подобные (1), не обладают истинностным значением, поскольку их семантическая оценка зависит от субъективных предпочтений человека. Однако старая истина «о вкусах не спорят» нередко *де факто* опровергается в опыте. Люди спорят о вкусах. Диалоги в (3) выглядят вполне естественными.

- (3) – Этот торт был вкусным.
– Нет, не был.

Более того, возможность использования таких утверждений в *modus ponens*, по словам Лейзерсона, также является основанием для приписывания им истинностного значения (Если этот торт вкусный, то его быстро раскупят. Этот торт вкусный. Следовательно, его быстро раскупят.).

Лейзерсон указывает, что важно отличать утверждения, содержащие предикаты вкуса, от высказываний личного мнения («В этом блюде содержится мясо») и высказываний с нечеткими предикатами («Этот человек лысый»). В случае выражения личного мнения относительно того или иного вопроса установление объективного положения дел относительно этого вопроса возможно. Так, наличие в том или ином блюде мяса можно установить. В случае с утверждениями с предикатами вкуса установка некоего объективного факта невозможна. Высказывания с нечеткими предикатами уже не предполагают наличия того или иного объективного факта, однако, как пишет Лейзерсон, относительно их корректной применимости в том или ином спорном случае ни один человек не может быть однозначно уверенным в своей правоте, тогда как

в случае с предикатами личного вкуса высказывающие их люди склонны быть более однозначно убежденными в очевидности того, что делаемое ими утверждение истинно (ведь если кто-то считает какое-то блюдо невкусным, ему это дано с картезианской очевидностью)¹.

Тот факт, что предикаты вкуса, предполагая столь значительные расхождения в оценках, между тем, могут использоваться в споре (то есть выражать смысл, относительно которого могут возникать разногласия), является, согласно Лейзерсону, серьезной проблемой для семантики. Суть этой проблемы заключается в том, что стандартные способы эксплицировать вариативность истинностного значения простых утверждений, содержащих подобные предикаты, наталкиваются на серьезные проблемы.

Стандартным механизмом выражения семантики выражений, значение которых зависит от контекста, является двухмерная интенциональная семантика Д. Каплана [Kaplan, 1989]. Сферой применения этой семантики являются так называемые индексные выражения, содержащие личные местоимения и прочие контекстно-зависимые выражения. Парадигмальным примером здесь является выражение «Я здесь сейчас», являющееся истинным в любой ситуации употребления, но при этом не выражающее логическую истину. Ведь кто бы такое про себя ни говорил, он всегда будет прав. Между тем, в самом факте пребывания конкретного индивида в конкретном месте в конкретное время нет ничего логически истинного.

Как известно, Д. Каплан предлагает семантическую схему, согласно которой семантическое содержание выражений состоит из *характера* и *содержания*. Характер – это функция от контекстов к содержаниям, а содержание – это функция от возможного мира к денотату (а в случае с личными местоимениями это просто их денотат). Характер местоимения «я» – это функция, определяющая то, в каком контексте какой индивид составляет содержание этого термина, а сам конкретный индивид – это уже денотат этого термина (во всех возможных мирах). Поэтому в одном контексте «я» обозначает Ивана, а в другом – Марию. Предложение «Я – профессиональный философ» содержит личное местоимение и поэтому имеет разное содержание в разных контекстах. В контексте, где денотатом «я» является Иван, это предложение выражает содержание что *Иван – профессиональный философ*, а в контексте, где денотатом «я» является Мария – содержание что *Мария – профессиональный философ*. Ни одно из этих содержаний не является логической истиной (так как есть возможные миры, в которых оно истинно, а есть миры, где оно ложно).

Для Каплана личные местоимения – индексные выражения. Контекстная зависимость их содержания осуществляется через

¹ Здесь, разумеется, возможны возражения, на ряд из которых Лейзерсон отвечает.

содержащийся в них индекс. Местоимение «я» может быть рассмотрено как «я1». В одном контексте этому индексу может соответствовать индивид Иван, а в другом – индивид Мария.

Лейзерсон показывает, что введение индексных элементов в структуру предикатов личного вкуса, возможно, и позволяет объяснить вариативность их оценивания различными людьми, но никак не позволяет объяснить споры, подобные тем, что приведены в (3). Ведь если допустить, что предикат «вкусный» содержит индекс с контекстно-зависимым содержанием, то в (3) в высказывании первого собеседника, скажем, Марии, «вкусныйи» будет обозначает свойство *вкусный-для-Марии*, в высказывании второго собеседника, скажем, Ивана, «вкусныйи» будет обозначает свойство *вкусный-для-Ивана*. В таком случае собеседники должны рассматриваться как делающие разные утверждения (то есть высказывающие разные содержания), и спор между ними становится невозможным. Ведь если Мария скажет: «Торт для меня вкусный», то Иван не сможет ей возразить высказыванием «Нет, торт был для меня не вкусным». Здесь нет никакого возражения, ибо нет предмета для разногласия. Собеседники утверждают разные вещи. Но спор, как мы видели в (3), возможен. Следовательно, индексная теория не способна быть решением проблемы.

Выявив ограничения концепции Каплана как инструмента для анализа предикатов личного вкуса, Лейзерсон предлагает критику и ряда других подходов, которые, как может показаться, предлагают легкое решение проблемы. Так, он демонстрирует, что если рассматривать (1) как утверждение о предпочтении некоей группы индивидов, в которую, с точки зрения говорящего, входит и он, и его собеседник, то диалог типа (3) может быть осмысленным. Так, первое его утверждение может быть перефразировано как «этот торт вкусный для соответствующей референтной группы (в которую вхожу я иходишь ты)». Второе утверждение будет вполне уместным возражением, ибо, делая его, собеседник, тем самым указывает, что не является членом этой референтной группы. Однако, пишет Лейзерсон, подобный подход уже не сможет быть объяснением для диалога типа (4):

- (4) – Этот торт не вкусный.
– Нет, вкусный.

Если говорящий эксплицитно исключил себя из референтной группы, то возражение собеседника (нет, ты и я в этой группе состоим) уже оказывается неуместным.

Также можно было бы сказать, что спор в (3) – это спор о значении слов. Такой подход может быть назван *металингвистическим*. С этой точки зрения, разногласие будет касаться не столько некоторого положения дел (вкусности конкретного торта), а того, что значит слово «вкусный». Лейзерсон показывает, что данная установка сталкивается с проблемами при анализе предложе-

ния, сообщающего о предпочтениях собеседников, то есть передающего суть их спора:

- (5) Мария считает, что этот торт вкусный, а Иван считает, что он не вкусный.

Подавляющее большинство семантических концепций, начиная с концепции основоположника семантики Г. Фреге, утверждает, что в сообщениях о верованиях (и прочих пропозициональных установках) термины должны обозначать свое содержание (смысл), а не свой денотат. Применительно к нашему случаю это значит, что в (5) первое и второе вхождение предиката «вкусный» должно иметь одно и то же содержание (к тому же такое сообщение о пропозициональной установке делает, как правило, один человек, употребляя термин «вкусный» в обоих случаях одинаково). Поэтому интерпретация предикатов вкуса в сообщениях о пропозициональных установках оказывается несовместимой с идеей рассмотрения диалогов типа (3) как споров о словах.

В итоге возникает ситуация, казалось бы, очевидной контекстной зависимости интерпретации таких предикатов, которая при этом содержит требование, согласно которому в ситуации спора стороны должны обсуждать одно и то же содержание.

3. Релятивистское решение проблемы П. Лейзерсоном

Каким образом совместить требование объективности того содержания, о котором идет речь в утверждениях с предикатами личного вкуса, и требование его контекстной зависимости?

Решение, которое предлагает для этой проблемы Лейзерсон, заключается в релятивизации истинностного значения для одних и тех же высказываний относительно индивидов. В семантике интерпретирующая функция, часто обозначаемая как $[[\]]$, применяется к предложению p и отображает его либо в истину, либо в ложь, в зависимости от содержания (условий истинности) этого предложения и той ситуации s , применительно к которой оно оценивается ($[[p]]s = \text{Истина}$ или $[[p]]s = \text{Ложь}$). В семантике, которую предлагает Лейзерсон, функция интерпретации учитывает еще и параметр индивида, которого Лейзерсон называет судьей. Какой именно индивид является судьей J (от слова judge), зависит от контекста. В контексте s , судья – это индивид $s(J)$. В результате содержание одного и того же предложения (то есть условия его истинности) оказывается одним и тем же в разных контекстах, но то истинностное значение, приписываемое этому содержанию, может быть разным для разных судей.

В диалоге (3) собеседники обсуждают одно и то же содержание (вкусность конкретного торта), но реплика первого собеседника оценивается в контексте, где он является судьей для этого содержания, а реплика второго собеседника оценивается в контексте,

где он, то есть второй собеседник, является судьей. Из этого следует, что в каждой из двух реплик в (3) контекст определяет индивида, делающего эту реплику, в качестве судьи того содержания, которое обсуждается собеседниками и понимается ими одинаково.

Лейзерсон при этом указывает, что хоть говорящий при анализе простых утверждений в большинстве случаев и оказывается судьей, это вовсе не обязательно всегда так. И его система, где судья задается контекстом, не требует, чтобы им всегда был именно говорящий. Система допускает, чтобы судьей выступал и другой индивид, являющийся контекстуально очевидным. По Лейзерсону, это происходит, например, в предложении (6), если оно произносится взрослым человеком, вернувшимся с ребенком с детского утренника.

(6) Праздник был веселым.

Лейзерсон указывает, что произносящий данное предложение взрослый может и не считать такой праздник веселым для себя. Он имеет в виду, что праздник был веселым для ребенка, присутствие которого в контексте делает его возможным судьей.

При этом, по Лейзерсону, в сообщениях о верованиях, подобных (7), в качестве судьи всегда должен выступать именно носитель верования.

(7) Иван считает, что торт вкусный.

Его система, таким образом, содержит соответствующее ограничение для контекстов пропозициональных установок.

Анализ Лейзерсона сыграл важную роль в философской семантике последних лет, поскольку выявил сферу, относительно которой была переосмыслена концепция контекстной зависимости значения языковых выражений Д. Каплана. Применительно к предикатам личного вкуса эта зависимость обретала новые ограничения и новые эффекты, позволяя рассматривать ситуацию вкусовых разногласий как, с одной стороны, обсуждение одного и того же семантического содержания, а, с другой, утверждение разных (несовместимых) перспектив относительно этого общего содержания. И сама концепция Лейзерсона обрела как сторонников, так и критиков, что, в свою очередь, породило более тщательное исследование семантики предикатов личного вкуса.

4. Критика отдельных технических и содержательных аспектов теории Лейзерсона

Предложенная Лейзерсоном концепция считается релятивистской, ибо предполагает, что одному и тому же содержанию могут в одном и том же контексте соответствовать разные истинностные значения, если это содержание оценивается в этом контексте раз-

ными судьями. Она, как было показано выше, противопоставляется Лейзерсоном контекстуализму, который тот понимает в терминах семантики индексных местоимений Д. Каплана. Между тем, контекстный параметр судьи, который вводит Лейзерсон, также может вызывать вопросы. Так, если сам судья является частью контекста, то в каком смысле можно говорить о том, что в одном и том же контексте одно и то же содержание может по-разному оцениваться разными судьями? Не лучше уж сразу говорить о все той же разнице контекстов оценки? Если так, то отличие контекстуализма от релятивизма в данном вопросе становится более сомнительными. На это обращает внимание И. Стоянович [Stojanovic, 2007].

Согласно ее позиции, предикаты личного вкуса содержат скрытый индивидуальный аргумент. Иными словами, термин «вкусный» обозначает не множество вкусных предметов, а отношение между предметами, считающимися вкусными, и теми индивидами, для которых они являются таковыми. Слово «вкусный» всегда, таким образом, понимается как «вкусный-для-х». Споры о вкусах, таким образом, в большинстве случаев снова оказываются разногласиями вследствие отсутствия исходного взаимопонимания. С другой стороны, снова остается без должного объяснения соображение Лейзерсона о том, что в таких спорах есть некое общее содержание в утверждении каждого из спорящих.

Т. Стефенсон, также вставая на позицию имплицитных аргументов в семантике предикатов личного вкуса, пытается эксплицитировать некоторые из усмотренных Лейзерсоном особенностей семантики таких выражений через синтаксическую разницу их скрытых аргументов [Stephenson, 2007]. Согласно ее позиции, скрытый аргумент может быть двух типов: независимым и способным иметь любую интерпретацию в зависимости от контекста, и зависимым, то есть обязательно обладающим синтаксическим антецедентом. Из теории генеративного синтаксиса она заимствует различия между непроизносимыми индивидуальными терминами *pro* и *PRO*, первый из которых может иметь независимую интерпретацию, а второй – нет. В результате, в предложениях типа «Этот торт вкусный» или «Праздник был веселым» предикат личного вкуса может содержать аргумент *pro* и выражать оценку контекстно релевантного субъекта (говорящего или кого-то еще). В сообщениях о верованиях типа (7), «Иван считает, что торт вкусный», согласно Стефенсон, внутри предиката личного вкуса стоит аргумент *PRO*, антецедентом которого может быть только «Иван», что дает возможность этому предложению получить прочтение, согласно которому речь идет о вкусности торта именно с точки зрения Ивана.

К сожалению, решение Стефенсон вряд ли может быть признано удовлетворительным, несмотря на то, что она усматривает параллели в семантическом поведении предикатов личного вкуса и предикатов, выражающих эпистемическую модальность. Во-первых, оно все еще не объясняет усмотренный Лейзерсоном компонент общности в содержании высказываний двух сторон, спора-

щих о вкусе. Во-вторых, оно, по мнению некоторых теоретиков (например, [Pearson, 2013]), неудовлетворительным образом объясняет и семантику таких сообщений о веровании как (7). Если эти предложения, действительно, требуют, чтобы оценка предиката осуществлялась в них только с точки зрения носителя пропозициональной установки, как того требует Лейзерсон, то тогда непонятно, как именно это требование выполняется в теории Стефенсон, ведь ничто не мешает предикату вкуса содержать независимый аргумент *pro*, даже будучи внутри интенционального контекста, и, тем самым, оцениваться с точки зрения контекстно релевантного индивида, а не самого носителя пропозициональной установки. Если же в таких сообщениях как (7) вложенные предикаты личного вкуса все же могут оцениваться независимым образом (на что, собственно, указывает сама Стефенсон [Stephenson, 2007, p. 504]), то тогда непонятно, зачем нужно различие между *pro* и *PRO*. Почему скрытый аргумент не может попросту быть переменной, способной иметь как связанное, так и свободное прочтение?

5. Семантика предикатов личного вкуса без инстанции судьи

Оставляя в стороне споры о технических аспектах реализации тех или иных программ, обратимся к тому, что считаем краеугольной проблемой для семантики предикатов личного вкуса – совмещенности в ней объективной и субъективной семантической составляющей. Какие еще возможны подходы, которые позволяли бы пролить свет на эту проблему? Одним из них является концепция Х. Пирсон [Pearson, 2013], предлагающая объяснение семантики предикатов личного вкуса без апелляции к инстанции судьи.

Х. Пирсон (как и Ф. Мольтман [Moltmann, 2010]) обращает внимание на то, что предикаты личного вкуса являются так называемыми предикатами индивидуального уровня, то есть выражающими постоянные, а не временные свойства объектов (которые называются предикатами уровня стадии – см. [Carlson, 1977]). Примерами предикатов индивидуального уровня являются такие как «высокий», «русский», «пластмассовый», «способный» и т.д. Они отличаются от таких предикатов как «усталый», «больной», «голодный», которые описывают краткосрочное и проходящее состояние человека. Семантический анализ предикатов индивидуального уровня предполагает наличие скрытого оператора (часто обозначаемого как GEN), похожего по своей семантике на слова «всегда» или «обычно» [Chierchia, 1995].

Семантический вклад наречия «всегда» обычно связывается с универсальным квантором («во всех ситуациях...»), сфера действия которого ограничена релевантным образом. Так, например, предложение «Джон всегда пьяный» имеет условия истинности, согласно которым оно истинно, только если во всех ситуациях, где Джон является контекстуально релевантным индивидом, он является пьяным.

Оператор GEN не произносится, но его присутствие, согласно [Chierchia, 1995], в логической форме подразумевается самим фактом наличия в нем предиката индивидуального уровня. Утверждение «Иван высокий» обретает условия истинности, согласно которым это предложение истинно в ситуации s , если только во всех ситуациях s' , которые достижимы из s и в которых Иван является контекстуально релевантным индивидом, Иван является высоким. Отношение достижимости одной ситуации из другой восходит к терминологии модальной логики; здесь ситуации, достижимые из ситуации s , это ситуации, в которых предполагаются те же критерии высокого роста, что и в s (подробнее см., например, [Gamut, 1991]).

Перенос этой установки на случаи предикатов личного вкуса требует дополнений. Пирсон предлагает дополнение, согласно которому квантификация, связанная с оператором GEN, осуществляется не только по ситуациям, но и по индивидам. Квантифицируемые индивиды – это все представители контекстно релевантной группы, с которыми говорящий себя идентифицирует. При этом сам предикат личного вкуса рассматривается как обладающий скрытым предикатным аргументом (то есть аргументом, обозначающим не индивида, а свойство). Благодаря этому предикатному аргументу вводятся индивиды, с которыми говорящий себя идентифицирует в контексте произнесения предложения, содержащего предикат личного вкуса.

В результате предложение (1) «Этот торт вкусный» получает логическую форму (8):

(8) [Этот торт [$\lambda 1$ [GEN [t1 вкусный [$\lambda 2$ [Identify(speaker, i2)]]]]]]]

Предложение (1), понимаемое как (8), получает следующую интерпретацию (условия истинности) в ситуации s и контексте c (указаны в качестве верхних индексов на функции [])¹:

(9) [[(8)]]_{s,c} = Истина, если и только если для всех индивидов x и для всех ситуаций s' , достижимых из s и в которых этот торт и x являются релевантными объектами в контексте c и говорящий идентифицирует себя с x , этот торт является вкусным для x в s'

Иными словами, в теории Пирсон предложение (1) понимается как утверждение о том, что для всех членов определенной группы, с которыми себя идентифицирует говорящий в контексте c , этот торт является вкусным. Таким образом, утверждая, что торт вкусный, говорящий экстраполирует свои собственные предпочтения на определенную референтную группу.

¹ Ср. с примером (65)c в [Pearson, 2013, p. 127].

Как указывает Пирсон, говорящий чаще всего включает и себя самого в референтную группу, но ему вовсе не обязательно это делать. Поэтому он может сделать утверждения типа (6) «Праздник был веселым», подразумевая исключительно перспективу ребенка, если контекстуально не включает самого себя в референтную группу, с которой себя идентифицирует, согласно требованию семантики предикатов личного вкуса. В таком случае, разумеется, из его высказывания не должно следовать, что он сам считает, что праздник был веселым.

Однако Пирсон ставит вопрос: как сделать, чтобы в предложениях типа (7) «Иван считает, что торт вкусный» утверждалась только перспектива носителя пропозициональной установки. С ее точки зрения, именно в неспособности учесть данное обстоятельство заключается одна из основных проблем с концепцией Стефенсон. Она находит решение во введении еще одного оператора (или, точнее, абстрактора), который связывает позицию агента, осуществляющего свою идентификацию, с членами контекстно-релевантной группы. Предложение (1) получает уже не логическую форму (8), а логическую форму (10), где абстрактор $\lambda 3$ является показателем присутствия ненасыщенного индивидуального аргумента в денотате этого выражения.

(10) $[\lambda 3 [\text{Этот торт } [\lambda 1 [\text{GEN } [t1 \text{ вкусный } [\lambda 2 [\text{Identify}(i3, i2)]]]]]]]]$

В результате любое предложение обозначает свойство индивидуала. Когда предложение (1) произносится, говорящий приписывает обозначаемое им свойство самому себе, и мы получаем условия истинности, приведенные в (9). Однако во вложенном предложении уже в обязательном порядке подразумевается, что идентификацию себя с членами контекстно заданной группы осуществляет носитель пропозициональной установки, поскольку ненасыщенный индивидуальный аргумент денотата вложенного предложения в обязательном порядке насыщается не говорящим, а носителем верования. Этот эффект происходит благодаря семантике пропозициональных глаголов, которым Пирсон предлагает модифицированное семантическое определение. Сообщение (7) обретает структуру (11):

(11) $[\lambda 4 [\text{Иван } [\text{считает } [\text{что } [\lambda 3 [\text{Этот торт } [\lambda 1 [\text{GEN } [t1 \text{ вкусный } [\lambda 2 [\text{Identify}(i3, i2)]]]]]]]]]]]]$

Присутствие абстрактора предполагается и в главной клаузе, где он может не связывать никакой индекс или же связывать индекс на интенциональном глаголе (если допустить, что все предикаты несут в себе индекс, отвечающий за перспективу, но предпо-

лагающий реальный семантический вклад только в случае таких предикатов как предикаты личного вкуса)¹.

Таким образом, семантическая концепция Пирсон отдельно кодирует перспективу судьи и ту группу, с которой судья самоидентифицируется при оценке предиката личного вкуса. Эта система позволяет не только в обязательном порядке навязывать перспективу носителя пропозициональной установки в сообщениях о таких установках, но и не требует, чтобы сам носитель, являющийся судьей, считал, что предикат выполняется именно для него. У Пирсон одно дело – быть судьей, а другое дело – быть членом референтной группы, относительно которой оценивается предикат. Судья выбирает референтную группу, но сам может в нее не входить. Поэтому в таких предложениях как (7) судьей оценки предиката личного вкуса всегда является носитель пропозициональной установки, однако он вовсе не обязан оценивать этот предикат с учетом личных предпочтений судьи. Пирсон показывает, как ее система способствует экспликации целого ряда сложных случаев, таких как (12):

(12) Кошка считает, что хозяин думает, что этот корм вкусный.
(Ведь он из раза в раз ей его покупает.)

Здесь вложенный предикат предполагает вкусность корма не с точки зрения хозяина, а с точки зрения кошки. В предлагаемом Пирсон анализе для (12) хозяин, являясь судьей, не является при этом членом референтной группы, что позволяет ему считать, что корм вкусный, но вкусный не для него, а для всех членов референтной группы (кошек), к числу которых он себя не относит.

При всех тонкостях проводимых Пирсон различий остается не до конца понятным, в чем именно преимущество ее системы перед более простой системой Стефенсон. Если у Стефенсон оценка индивидом предиката личного вкуса с точки зрения кого-то другого (но не его самого) осуществляется через свободную переменную в структуре такого предиката и такое прочтение допустимо у предикатов внутри интенциональных контекстов, то до конца неясно, в чем здесь преимущество системы Пирсон, которая требует, чтобы судьей был обязательно носитель пропозициональной установки, но имел при этом возможность судить не от себя. Провозглашаемое Пирсон в ее семантике отсутствие параметра судьи Лейзерсона оказывается лишь изложением тех же закономерностей в рамках механизма, который хоть и не апеллирует к судье, но все так же остается зависимым от контекста.

Более того, согласно позиции самой Пирсон, споры о вкусах возникают вследствие того, что каждый из двух собеседников включает другого в референтную группу, с членами которой он

¹ См. пример (75)c в [Pearson, 2013, p. 132], где она приводит условия истинности предложения (7).

себя идентифицирует, утверждая, например «Этот торт вкусный». Но об этом, как мы видели, писал уже Лейзерсон, предостерегая от анализа в терминах апелляции к той или иной группе. Если разногласие спорящих лишь в том, что каждый из них записывает другого в группу, в которой тот не считает, что находится, то возникает вопрос в том, почему подобные противостояния не разрешаются уже на этапе озвучивания собеседниками своих позиций. Возвращаясь к примеру (4), мы видели, что Лейзерсон указывает, что если, произнося свою реплику, первый говорящий эксплицитно исключает себя из группы тех, кто находит торт вкусным, то как второй говорящий может ему осмысленно возразить с помощью своей реплики?

6. Контекстуализм на уровне метасемантики

Стратегию более внимательного анализа семантики предикатов личного вкуса реализует и М. Гланцберг [Glanzberg, 2007], приходя в результате к защите обновленной версии контекстуализма, на которую, как он показывает, не распространяются критические аргументы Лейзерсона. Гланцберг обращает внимание на то, что эти предикаты в большинстве случаев являются прилагательными со степенью сравнения (сравнительными прилагательными), и выводит усмотренные Лейзерсоном эффекты из известных особенностей их семантики (в частности, с опорой на [Kennedy, 2007]).

Семантика сравнительных прилагательных, обозначающих свойство, способное проявляться в большей или меньшей степени, предполагает скрытый аргумент, обозначающий такую степень на некоторой предполагаемой шкале. Так, прилагательное «высокий» предполагает некоторую контекстуально заданную шкалу и описывает определенную степень (показатель) на этой шкале, который превышает показатель среднего роста, который, в свою очередь, также понимается контекстуально. Если в контексте пятилетних детей какой-то из них считается высоким, то это значит, что показатель его роста превышает некоторый показатель среднего роста для этой группы (на соответствующей шкале). При этом в контексте восьмилетних детей такой ребенок уже, вполне возможно, не будет считаться высоким, так как показатель его роста не будет превышать показатель, выражающий средний рост для этой группы (на соответствующей шкале). Семантика сравнительных прилагательных оказывается, таким образом, в значительной степени зависимой от контекста – как в плане используемой шкалы, так и в плане того, что на этой шкале считается средним показателем.

Гланцберг указывает, что ключевой особенностью семантики Кеннеди для проблемы предикатов личного вкуса является то обстоятельство, что сама шкала не является параметром, формирующим денотат сравнительного прилагательного. Выбор шкалы относится к сфере элементов *метасемантики*, которые, хоть и оказы-

вают влияние на денотат соответствующих прилагательных, сами в этот денотат не входят. В денотат сравнительного прилагательного, как уже было сказано, входит только показатель на этой предполагаемой шкале.

Если в случае таких прилагательных как «высокий» предполагаемая шкала может быть одной и той же в разных контекстах (измеряемой, допустим, в сантиметрах), то в случае прилагательных личного вкуса эта шкала может быть в разных контекстах разной. И поскольку сама шкала является элементом контекста, влияющим на денотат предиката личного вкуса, но непосредственно его не составляющим, мы получаем зависимость от контекста, не влияющую непосредственным образом на денотат. Согласно данной установке, спор о вкусе, подобный приведенному в (3) «– Этот торт вкусный. – Этот торт не вкусный», может рассматриваться как спор об одном и том же содержании (показателе на шкале, превышающем средний показатель), но при этом демонстрирующий то обстоятельство, что спорящие используют разные шкалы.

Как кажется, есть основания полагать, что анализ Гланцберга, основанный на работах К. Кеннеди, предлагает удовлетворительный ответ на указанную Лейзерсоном проблему контекстуализма. Различие в шкалах не мешает спорящим утверждать и отрицать одну и ту же пропозицию (связанную со значением показателя относительно среднего значения: превышает или не превышает). Разумеется, то, что они при этом используют разные шкалы, по ходу спора становится очевидным, и тогда спор прекращается. Однако различие шкал сразу может быть не очевидно. Контекстуализм, который критиковался Лейзерсоном, предполагал изначальное утверждение говорящими разных содержаний в силу того, что контекстная зависимость семантики предиката личного вкуса в той версии контекстуализма, которую он рассматривал, делала разными денотаты прилагательных, используемых собеседниками. В анализе Гланцберга подобной проблемы нет. Также здесь нет и отсылки к референтной группе, от которой, как мы попытались показать, страдают подходы, подобные [Pearson, 2013]. Решение Гланцберга, к сожалению, не получило должного внимания в последующей литературе (см., например, скудное обсуждение его вклада в посвященной данной проблематике [MacFarlane, 2014, p. 6]).

7. Предикаты личного вкуса и сообщения о пропозициональных установках de re

Мы рассмотрели релятивистские, контекстуалистские и абсолютистские подходы к решению проблемы семантики предикатов личного вкуса. Несмотря на то, что путь к удовлетворительному решению этой проблемы по многим ее важным параметрам был, на мой взгляд, задан в [Glanzberg, 2007], остаются и другие аспекты

этой общей проблемы, требующие отдельного обсуждения. Так, если различие в утверждении говорящих относится к метасемантическим факторам, как объяснить то обстоятельство, что спор прекращается? Метасемантический аспект выбора шкалы остается, тем не менее, значимым фактором, ибо оказывает регулирующее воздействие на ход спора. Каким образом этот аспект может быть выражен? Из позиции Гланцберга можно заключить, что в случае с диалогом (3) выбор соответствующей шкалы связан с личностью конкретного индивида. Если так, то должна быть определенная функция, отображающая индивидов в шкалы. Но в какой области семантического или прагматического анализа этого диалога данная функция обретает свое место? Этот вопрос открытый, и ответ на него важен для проблемы, о которой речь пойдет ниже.

Рассмотрим предложение (13), являющееся сообщением о пропозициональной установке.

(13) Иван считает, что праздник был веселым.

Если мы следуем за Лейзерсоном и соглашаемся, что высказанное Иваном предложение (6) «Праздник был веселым» может не отражать его личного отношения к празднику, а описывать перспективу кого-то другого (например, ребенка), которого Иван имеет в виду, когда утверждает (6), то, по-видимому, есть возможность и проинтерпретировать предложение (13) как описывающее верование Ивана о том, что, с точки зрения соответствующего ребенка, праздник был веселым. (Собственно, приводимые в [Pearson, 2013] примеры, подобные (12), говорят об этом же.) А если так, то мы, как кажется, сталкиваемся с известной, как минимум, со времен У. Куайна проблемой двойного видения [Quine, 1956].

Рассмотрим следующую ситуацию¹:

(14) По тем или иным причинам Иван не знает, что у Марии и Виктора общий ребенок – Боря – и это единственный их ребенок. Он знает Борю как сына Марии, активного мальчика. Про ребенка Виктора Иван думает, что тот является ребенком-домоседом, не интересующимся ничем, кроме компьютерных игр. Иван сходил с Борей на праздник и, вернувшись, сделал в общении с Марией утверждение (6), предполагая перспективу Бори. Разговаривая потом с Виктором про интересы ребенка Виктора, Иван говорит:

¹ Я намеренно упрощаю данный пример, делая его не в полной мере реалистичным, ибо исхожу из допущения, что читателю знакома проблема двойного видения на более реалистичных примерах и здесь нет необходимости усложнять описываемую ситуацию с целью повышения уровня ее правдоподобности.

«Праздник не был веселым», подразумевая перспективу ребенка Виктора, которого, как было сказано, Иван считает домоседом и нетождественным ребенку Марии.

Как мы знаем из упомянутой работы Куайна и всей последовавшей за ней традицией, предложение (13) может быть истинным в описанной ситуации. Однако истинным может быть и предложение (15), ибо для Ивана данный праздник не может быть веселым для ребенка-домоседа.

(15) Иван считает, что праздник не был веселым.

Поскольку как при общении с Марией, так и при общении с Виктором Иван подразумевает перспективу Бори, мы не можем просто проинтерпретировать предложение (13) как (16), а (15) как (17), ибо тогда мы приписываем Ивану противоречивые убеждения.

(16) Иван считает, что для Бори праздник был веселым.

(17) Иван считает, что для Бори праздник не был веселым.

Возникает вопрос о том, как объяснить, что (13) и (15) могут быть истинными, не приписывая при этом Ивану веры в противоречие.

Стандартным механизмом анализа сообщений о пропозициональных установках, подобных (16) и (17), также именуемых как сообщения о пропозициональных установках *de re*, в ситуациях двойного видения является отображение индивида, относительно которого имеет место двойное видение (то есть в нашем случае Бори), в некий индивидуальный концепт или облик, под которым этого индивида знает субъект пропозициональной установки. Иными словами, индивидуальный концепт задает свойство, позволяющее идентифицировать конкретного индивида в представлениях носителя пропозициональной установки (см. [Percus, Sauerland, 2003]).

Для Ивана, как носителя установки, Боря в ситуации (14) может отображаться в два индивидуальных концепта – С1 («сын Марии») и С2 («сын Виктора»). В мирах, отражающих представления Ивана, для носителя концепта С1 праздник был веселым, а для носителя концепта С2 праздник веселым не был. В представлениях Ивана этим индивидуальным концептам соответствуют разные индивиды. Хотя в мире оценки (13) и (15), то есть в действительном мире, этим концептам соответствует один и тот же индивид, Боря. Каждое из двух сообщений о пропозициональной установке (то есть (13) и (15)) рассматривается как утверждение о существовании индивидуального концепта, в который в действительном мире для Ивана отображается Боря, и с точки зрения носителя которого в мирах, отражающих представления Ивана, праздник был веселым (в (13)) и праздник не был веселым (в (15)). Исходя из ситуации (14), мы

знаем, что есть такой концепт Бори для Ивана, который делает (13) истинным, а также есть такой концепт Бори для Ивана, который делает (15) истинным. Проблема решена.

Описанное выше решение является стандартным анализом описанной проблемы. Однако для того, чтобы его реализовать, мы, похоже, вынуждены ввести дополнительный индивидуальный аргумент в семантику предиката «веселый» (подобно тому, как это делает в своей теории Стефенсон), чтобы он мог отображаться в индивидуальный концепт. Один из возможных концептов будет делать (13) истинным, а другой из возможных концептов сделает истинным (15).

Получается, что в интенциональных контекстах семантика предикатов личного вкуса не может детерминироваться исключительно через экстенциональное задание судьбы с помощью контекста, ибо как в (13), так и в (15) контекст дает нам одного и того же судьбу, Бору. Однако истинностное значение этих предложений определяется не столько самим Борей, сколько теми индивидуальными концептами, в которые он отображается для Ивана.

Это влечет за собой, как минимум, два следствия. Во-первых, выражаясь языком Гланцберга, выбор шкалы оказывается не полностью вопросом метасемантики, ибо зависит от индивидуального концепта, в который отображается один из аргументов предиката личного вкуса. Тот индивидуальный концепт, который делает (13) истинным, отличен от того индивидуального концепта, который делает истинным (15). Первый концепт отображается в одну шкалу, а второй в другую. Во-вторых, если уж нам необходимы индивидуальные аргументы в семантике предикатов личного вкуса, то опять возникает вопрос о том, как возможно разногласие в диалоге типа (3) «— Этот торт был вкусным. — Нет, этот торт не был вкусным». Останемся на этом вопросе немного подробнее.

Анализ (13) и (15) показал нам, что в семантику предикатов личного вкуса все же следует вводить индивидуальный аргумент, и, значит, он должен присутствовать при анализе (3). Но какой индивид мог бы быть этим аргументом? Если в каждом из двух предложений диалога (3) этот аргумент замещается говорящим, то мы опять сталкиваемся с проблемой, описанной Лейзерсоном, ведь у собеседников нет повода для спора — каждый из них сделал разные утверждения (один сказал что-то типа «этот торт вкусный для меня», другой, что этот торт вкусный для него). Более того, похоже нет никакого контекстуально очевидного индивида, который мог бы быть общим аргументом для обоих случаев употребления в (3), чтобы обусловить возможность спора собеседников об одном и том же содержании. И даже если бы такой аргумент был, то спор тогда обрел бы фактическую природу (нужно было бы просто уточнить у соответствующего индивида, вкусным ли был для него соответствующий торт). Однако, как указал Лейзерсон, такая фактическая, объективная составляющая у подобных споров отсутствует.

В результате, если высказанные соображения верны, то проблема построения семантики предикатов личного вкуса остается открытой, как минимум, в силу этих соображений.

8. Другие сложные случаи

Существуют и другие сложные случаи для семантики предикатов личного вкуса. В своей статье «Релятивизм относительно предикатов личного вкуса и множественность перспектив» М. Кнеер, А. Винсент и Д. Земан [Kneer et al., 2017] исследуют предложения, подобные (18):

(18) Мы летом ездили с детьми на отдых в одну гостиницу в Италии. Вино там было вкусным, а водные горки веселыми.

Авторы показывают, что второе предложение в этом дискурсе предполагает множественность перспектив оценки, ведь вино оценивается как вкусное, с точки зрения взрослых, а водные горки как веселые, с точки зрения детей. Авторы исследуют контекстуалистские подходы к экспликации подобных случаев и показывают, что они не удовлетворительны. Они предлагают объяснение релятивистского толка и тем самым обосновывают аргумент в пользу семантического релятивизма, восходящего к подходу Лейзерсона, в частности [Lasersohn, 2008, 2009].

В своих последующих работах Лейзерсон привел аргумент против контекстуализма, основывающегося на индексной составляющей внутри предиката личного вкуса. Лейзерсон рассматривает предложения типа (19):

(19) Каждый кавалер свозил даму в веселую поездку и угостил вкусным обедом.

Лейзерсон замечает, что в этом предложении предикаты личного вкуса «веселая» и «вкусный» могут оцениваться с точки зрения разных наблюдателей (с точки зрения говорящего, каждого кавалера или его дамы), но должны при этом оцениваться с этой точки зрения вместе. По мнению Лейзерсона, невозможно прочтение предложения (19), согласно которому поездка была веселой, с точки зрения дамы, а обед вкусным, с точки зрения кавалера. Лейзерсон указывает, что если бы предикаты личного вкуса содержали в своей структуре индексные элементы, то эти индексные элементы могли бы связываться как кванторным выражением «каждый кавалер», так и кванторным выражением «дама» (понимаемым как «некоторая дама»). И тогда несуществующее прочтение было бы возможным. Однако поскольку его нет, не может быть верным индексный контекстуализм. В качестве решения Лейзерсон предлагает вновь релятивистский подход, где выбранная перспектива де-

терминирована параметрами оценки, а не каким-то элементом объектного языка.

На мой взгляд, довольно сложно однозначно установить, что прочтения, об отсутствии которого пишет Лейзерсон, действительно, нет. Однако ряд теоретиков с ним согласны. При этом есть те, кто отмечает, что предложения с множественными перспективами при этом могут содержать и кванторные выражения (см. также [Kneer, 2020]):

(20) В Хэллоуин каждый ребенок выкидывал глупую шутку над каким-то взрослым или получал вкусное угощение.

Здесь разные перспективы остаются возможными, что ставит под сомнение аргументацию Лейзерсона в поддержку релятивизма, делая ее, как минимум, неполной.

9. Следствия более общего характера: вопрос о природе пропозиционального содержания

В заключении нашего обзора рассмотрим одну общую проблему, которая выходит за рамки дискуссий по семантике предикатов личного вкуса, затрагивая более широкую проблематику эпистемологии, онтологии и семантики. Эта тема присутствовала уже в самой постановке Лейзерсоном проблемы семантики предикатов личного вкуса и проходила красной нитью сквозь различные альтернативные теории. Речь идет о проблеме природы пропозиционального содержания.

Как много информации должно составлять пропозициональное содержание, чтобы оно, с одной стороны, могло достаточно точно отражать суть соответствующей пропозициональной установки субъекта, а, с другой стороны, быть доступным и для восприятия другими субъектами? Этот вопрос, как мы видели, важен для возможности интерпретировать спор о вкусе как следствие подлинного разногласия. Если сделать содержание слишком подробным («этот торт вкусный для меня»), то спорящие начинают говорить о разных вещах и основа для спора исчезает. Если сделать содержание слишком общим («этот торт вкусный»), то исчезает возможность ухватить ту субъективную перспективу, в силу которой у собеседников возникает разногласие.

Рассмотренный выше подход Гланцберга относится к той срединной теории, которая пытается ухватить оба аспекта проблемы. Как было сказано выше, такого рода подходы называются неиндексным контекстуализмом. Подход Гланцберга такой не единственный (см. соответствующие обзоры в [Stojanovic, 2017; Kneer, 2020]). Его суть в том, что содержание высказывания с предикатом личного вкуса оказывается распределенным между двумя измерениями: измерением общего утверждаемого (*lekton*) и измерением субъективного, то есть того, что связано с обстоятельствами оценки.

Однако не все теоретики готовы принять компромисс, при котором и такой спор, как (3), оказывается подлинным расхождением (собеседники обсуждают одно и то же содержание), и, собственно, есть возможность развести их субъективное различие в терминах шкал или иных контекстных факторов, непосредственно не упоминаемых в логической форме предложений спора. Так, Ф. Мольтман [Moltmann, 2010] утверждает, что привлекать в анализ спора о вкусах лишь одно из двух измерений содержания с тем, чтобы объяснить его подлинность, не вполне корректно, ибо оба собеседника знают о втором измерении содержания, и неучитывание его придает спору искусственный, притворный облик. Подлинный спор, с ее точки зрения, возможен только в том случае, если оба измерения содержания формулируемых утверждений учитываются в споре.

Получается, чтобы спор о вкусах не выглядел мнимым, спорящие стороны должны в полной мере друг другу противостоять. И тогда, значит, то содержание, которого один из них придерживается, а другой опровергает, не должно быть слишком уникальным. Именно это утверждают абсолютисты и релятивисты. И те, и другие говорят о довольно бедном содержании обсуждаемого спорящими сторонами, предлагая объяснение субъективного расхождения не в терминах содержания, а в терминах особенностей его оценки. Так это было у Лейзерсона, который вводил перспективу судьи, так это делает, например, и один из наиболее влиятельных сторонников релятивизма Дж. Макфарлейн [MacFarlane, 2014].

Макфарлейн вводит дополнительное измерение в семантическую оценку, говоря о том, что утверждения спорящих в диалоге типа (3) имеют общее содержание, которое, однако, по-разному оценивается (*assessment sensitive*). Относительность оценки позволяет ему утверждать, что семантическое содержание, обсуждаемое спорящими, является довольно бедным (то есть они не делают утверждений относительно именно своей собственной перспективы, когда говорят о вкусоности торта). Более того, Макфарлейн предлагает критику теории богатого содержания. Согласно его позиции, если вера одного из собеседников в то, что торт вкусный, связана слишком богатым содержанием, то она превращается в веру в необходимую истину.

Так, если некто, скажем, верит, что «Торт вкусный», он, как подсказывают нам наши языковые интуиции, верит в нечто, являющееся метафизически случайным: торт мог бы оказаться и невкусным. Более того, этот же самый торт, с точки зрения другого человека, может быть оценен как невкусный. Однако если содержание верования субъекта А о том, что торт вкусный, предполагает упоминание, что он вкусный именно для этого субъекта, то тогда эта истина становится одной и той же для всех других субъектов («Торт вкусен для А» остается истинным для субъекта Б, даже если Б вообще не считает соответствующий торт вкусным). Иными словами, слишком подробное уточнение содержания может сделать

его необходимо истинным. Макфарлейн использует этот аргумент в пользу концепции бедного содержания.

Ему возражает М. Кнеер в своей новой работе [Kneer, 2020]. Согласно позиции Кнеера, следует различать глубинную и поверхностную необходимость. Истина, являющаяся глубинно необходимой, остается таковой независимо от того, какой мир является действительным, тогда как поверхностно необходимая истина становится таковой лишь в том случае, если определенным мирам выпадает быть действительными. В своей аргументации он обращается к метафизической проблематике, а также вопросам кодирования времени в языке, проводя параллели между этим кодированием и кодированием субъективной информации об инстанции оценки. Все это он делает для того, чтобы преодолеть критику Макфарлейна и отстоять реальность богатого пропозиционального содержания.

10. Заключение

В данном обзоре была рассмотрена одна из популярных проблем в современной философской семантике – проблема предикатов личного вкуса, с тем, чтобы не только исследовать ее изнутри, но и показать, какие далеко идущие следствия в области эпистемологии и аналитической метафизики имеет ее обсуждение в новейшей литературе. Несмотря на большое количество исследованных вопросов и выработку ряда основных подходов к анализу этой проблемы, много сфер этой области остаются еще неразработанными. Это неудивительно, ведь данная проблематика оказывается не только полем для междисциплинарного исследования, но и сферой, где соединяется проблематика субъективного и объективного и ставится вопрос об их корректном и строгом выражении. Анализ проблемы семантики предикатов личного вкуса способен многому научить не только тех, кто работает в сфере философско-языкового анализа, но и специалистов из смежных и даже непересекающихся областей знания.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The authors declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы / References

Carlson, 1977 – Carlson, G. Reference to Kinds in English. Ph.D. Thesis. University of Massachusetts, Amherst, 1977.

Chierchia, 1995 – Chierchia, G. “Individual Level Predicates as Inherent Generics”, in: G. Carlson and J. Pelletier (eds.) *The Generic Book*. Chicago, 1995, pp. 176–223.

Gamut, 1991 – Gamut, L.T.F. *Logic, Language and Meaning*. Vol. 2 *Intensional Logic and Logical Grammar*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Glanzberg, 2007 – Glanzberg, M. “Context, content, and relativism”, *Philosophical Studies*, 2007, vol. 136, no. 1, pp. 1–29.

Kaplan, 1989 – Kaplan, D. *Demonstratives*. In J. Almog, J. Perry, & H. Wettstein (Eds.), *Themes from Kaplan* (pp. 481–563). Oxford: Oxford University Press, 1989.

Kennedy, 2007 – Kennedy, C. “Vagueness and grammar: The semantics of relative and absolute gradable adjectives”, *Linguistics and Philosophy*, 2007, no. 30, pp. 1–45.

Kneer et al., 2017 – Kneer, M., Vicente, A., and Zeman, D. “Relativism about predicates of personal taste and perspectival plurality”, *Linguistics and Philosophy*, 2017, vol. 40, no. 1, pp. 37–60.

Kneer, 2020 – Kneer, M. “Predicates of personal taste, semantic incompleteness, and necessitarianism”, *Linguistics and Philosophy*, publ. 7 October 2020, pp. 1–31, doi: 10.1007/s10988-020-09303-w

Lasersohn, 2005 – Lasersohn, P. “Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste”, *Linguistics and Philosophy*, 2005, vol. 28, no. 6, pp. 643–686.

Lasersohn, 2008 – Lasersohn, P. “Quantification and perspective in relativist semantics”, *Philosophical Perspectives*, 2008, vol. 22, no. 1, pp. 305–337.

Lasersohn, 2009 – Lasersohn, P. “Relative truth, speaker commitment, and control of implicit arguments”, *Synthese*, 2009, vol. 166, no. 2, pp. 359–374.

MacFarlane, 2014 – MacFarlane, J. *Assessment Sensitivity: Relative Truth and Its Applications*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Moltmann, 2010 – Moltmann, F. “Relative truth and the first person”, *Philosophical Studies*, 2010, vol. 150, no. 2, pp. 187–220.

Pearson, 2013 – Pearson, H. A” judge-free semantics for predicates of personal taste”, *Journal of Semantics*, 2013, vol. 30, no. 1, pp. 103–154.

Percus, Sauerland, 2003 – Percus, O., Sauerland, U. “On the LFs of attitude reports”, *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, 2003, vol. 7, pp. 228–242.

Quine, 1956 – Quine, W.V. “Quantifiers and propositional attitudes”, *The Journal of Philosophy*, 1956, vol. 53, no. 5, pp. 177–187.

Snyder, 2013 – Snyder, E. “Binding, genericity, and predicates of personal taste”, *Inquiry*, 2013, vol. 56, no. 2–3, pp. 278–306.

Stephenson, 2007 – Stephenson, T. “Judge dependence, epistemic modals, and predicates of personal taste”, *Linguistics and Philosophy*, 2007, no. 30, pp. 487–525.

Stojanovic, 2007 – Stojanovic, I. “Talking about taste: Disagreement, implicit arguments, and relative truth”, *Linguistics and Philosophy*, 2007, vol. 30, no. 6, pp. 691–706.

Stojanovic, 2017 – Stojanovic, I. “Context and disagreement”, *Cadernos de Estudos Linguisticos*, 2017, vol. 59, no. 1, pp. 7–22.

Поступила в редакцию 19.11.2020